

УДК 811.161.1'38

Е. Л. Некрылова

**О СОВРЕМЕННОЙ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНЗИТИВАЦИИ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ:
НА ПРИМЕРЕ ФОРМ, ОБРАЗУЕМЫХ ОТ ВОЗВРАТНЫХ ПУТЕМ
ОТСЕЧЕНИЯ ПОСТФИКСА**

О. Л. НЕКРЫЛОВА. ПРО СУЧАСНІ ТЕНДЕНЦІЇ ТРАНЗИТИВАЦІЇ РОСІЙСЬКИХ ДІЄСЛІВ: НА ПРИКЛАДІ ФОРМ, УТВОРЕНИХ ВІД ЗВОРОТНИХ ШЛЯХОМ ВІДСІКАННЯ ПОСТФИКСА.

У статті аналізуються факти поширеного в мережі Інтернет і зафіксованого в Національному корпусі російської мови вживання традиційно російських зворотних дієслів без поворотної частинки, що дозволяє говорити про утворення перехідних дієслів шляхом відсікання постфікса. Звертається увага на те, що в ряді випадків шляхом відсікання постфікса утворюються не лише перехідні дієслова, але і дієслова, семантично еквівалентні неперехідним. Описуються випадки мовної гри, в тому числі навмисної контамінації, при зазначеному відсіканні постфікса. Висувається гіпотеза про причини утворення перехідних дієслів шляхом відсікання постфікса.

Ключові слова: дієслово, перехідність (транзитивність), транзитивація, постфікс, корпусна лінгвістика, інтернет-комунікація, когнітивна еволюція, посибілізм.

Е. Л. НЕКРЫЛОВА. О СОВРЕМЕННОЙ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНЗИТИВАЦИИ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ: НА ПРИМЕРЕ ФОРМ, ОБРАЗУЕМЫХ ОТ ВОЗВРАТНЫХ ПУТЕМ ОТСЕЧЕНИЯ ПОСТФИКСА.

В статье анализируются факты распространенного в сети Интернет и зафиксированного в Национальном корпусе русского языка употребления традиционно возвратных русских глаголов без возвратной частицы, что позволяет говорить об образовании переходных глаголов путем отсечения постфикса. Обращается внимание на то, что в ряде случаев путем отсечения постфикса образуются не только переходные глаголы, но и глаголы, семантически эквивалентные непереходным. Описываются случаи языковой игры, в том числе намеренной контаминации, при указанном отсечении постфикса. Выдвигается гипотеза о причинах образования переходных глаголов путем отсечения постфикса.

Ключевые слова: глагол, переходность (транзитивность), транзитивация, постфикс, корпусная лингвистика, интернет-коммуникация, когнитивная эволюция, посибілізм.

O. L. NEKRYLOVA. ON THE CURRENT TREND OF TRANSITIVITY OF RUSSIAN VERBS: ON THE EXAMPLE OF FORMS FORMED FROM THE REFLEXIVE ONES BY CUTTING OFF THE POSTFIX.

The article analyzes the facts of using traditionally reflexive Russian verbs without a reflexive particle, which allows us to speak about the formation of transitive verbs by cutting off the postfix.

Gradually, until the end of the XIX century, the loss of transitivity by Russian verbs was written by many Rusists. The fact that in the modern, the mid-twentieth century, Russian language only a third of the verbs remain transitive was written by V. V. Vinogradov. Ten years ago, M. N. Epstein first stated that a tendency for a new transitivity of Russian intransitive verbs was in the Russian grammar. The tendency does not go beyond the boundaries of the colloquial register and is most often observed in Internet communications. Such trans-nationalization is carried out by native speakers in two directions: the revival of a lost transitivity and the attainment of a new transitivity. The realization of both these directions is the transitation of the reflexive Russian verbs by cutting off the postfix.

The article examines the facts of such transitivity, reflected in the National Corpus of the Russian language and much more common in the field of Internet communications. The number of relevant examples allows us to speak not about single violations of the transitive norm, but about a

© Е. Л. Некрылова, 2017

<http://doi.org/10.5281/zenodo.1044296>

tendentious change in it. This trend continues to be observed within the framework of the colloquial register and the stylistically appropriate Internet communication, but since conversationalism is part of literary language, there are reasons to talk about changes that occur in it, and not outside it.

The article does not ignore the cases when not only transitive verbs, but also verbs semantically equivalent to intransitive ones are formed by cutting off the postfix.

Cases of language games, including intentional contamination, are described with the indicated postfix cutoff.

A cognitive-evolutionary and possibilistic hypothesis about the reason for the formation of transitive verbs by cutting off postfix is advanced. From the cognitive-evolutionary point of view, the transitivity of the verb correlates with the independence based on the alternative of perception and the activity of the subject of the action, which, by distributing the action directly - without damping the verbal effect of the preposition or oblique case - on the object and thus transforming it physically or statusfully, assumes responsibility for such a transformation. When the verb is reflexive, the action takes place without the active participation of the subject. From the general point of view of the philosophy of Possibilism and the evolutionary epistemology correlating with it, the creation of the transitive verb by cutting off the postfix in the reflexive verb is the perception by the native speaker of the possibility and necessity of taking responsibility for the transformation of the object of verbal action.

Keywords: verb, transitivity (transitivity), reflexiveness, transitiveness, postfix, corpus linguistics, Internet communication, cognitive evolution, Possibilizm.

О постепенной утрате русскими глаголами переходности лингвисты говорят начиная с XIX века [1, с. 347; 10; 3, с. 12–13; 4, с. 372; 14]. Раньше переходными были многие глаголы, которые в настоящее время являются непереходными, поскольку либо изменили модель управления, закрепившись в управлении косвенным падежом или лишившись модели управления (например, *бежать, воевать, воссиять, заседать, заснуть, молчать, работать, пренебрегать, гостить, властвовать*), либо стали возвратными (например, *намеревать, повиновать, наслаждать, руководствовать, соглашать, столовать, трудить, касать, ошибать, прослезить, обленить, распорядать, улыбать, смеять, боять, бороться*). В середине XX века В. В. Виноградов констатирует, что лишь треть русских глаголов являются переходными [2, с. 520-523].

В статье 2007 года М. Н. Эпштейн указывает на то, что в настоящее время наметилась тенденция новой транзитивации русских глаголов, что подтверждается примерами, взятыми, в меньшей мере, из детской речи и, в большей мере, из интернет-коммуникации взрослых [14].

Заявленное в заголовке статьи отсечение постфикса представляет собой не употребление без постфикса, предполагающее, что слово без такого постфикса существует, – оно представляет собой удаление постфикса у слова, которое согласно сложившейся языковой норме без такого постфикса не употребляется. Как известно, все возвратные глаголы делятся в первую очередь по признаку принадлежности к залогу: возвратные глаголы действительного залога, у которых постфикс *-ся* не создает страдательное значение, например *Дачники строятся до наступления холодов*, и возвратные глаголы страдательного залога, у которых постфикс *-ся* страдательное значение создает, например *Дом строится компанией «Жилстрой-2»*. Возвратные глаголы действительного залога делятся на мотивированные глаголами переходными, например *одеваться, обниматься, кусаться, растворяться*, и непереходными, например *грозиться, белеться, думаться, улыбаться*. Возвратные глаголы действительного залога, мотивированные непереходными глаголами, делятся на глаголы, лексически близкие к однокоренным беспостфиксным глаголам, например *грозиться, стучаться*, глаголы, в которые постфикс *-ся* привносит значение неопределенности, слабости проявления признака, например *белеться, краснеться*, глаголы, которые постфикс *-ся* делает безличными, например *думаться, вериться*, и глаголы, которые без постфикса *-ся* не существуют, например *улыбаться, бояться, нравиться, надеяться* [12, с. 615–616]. Именно к этой, последней, группе возвратных глаголов может применяться понятие отсечения постфикса.

Целью настоящей статьи является выяснение узуальных закономерностей транзитивации русских глаголов, происходящей путем отсечения постфикса, и когнитивно-эволюционное и possibilistическое объяснение причины такой транзитивации.

Примеры, которые служат предметом анализа в настоящей статье, взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и из сферы интернет-коммуникации. Указанная сфера является специфической разновидностью разговорной речи, поскольку характеризуется такими признаками, как «спонтанность, необработанность, предполагаемое наличие непосредственного адресата (однако при этом отсутствует обязательное для режима "реальной" устной коммуникации общее поле зрения для ее участников, влияющее на особенности дейксиса)» [11, с. 238]. Разговорная речь, включающая понятие интернет-общения, является частью литературного языка. Следовательно, наблюдаемые в ней изменения могут иметь тенденциозный характер, важный для языка в целом. Об этом, говоря о современной транзитивации русских глаголов в детской и взрослой речи, прямо пишет М. Н. Эпштейн: «Хотя и наивная детская речь, и сниженно-игровая взрослая представляют собой стилевые окраины языка, именно там, на периферии, прежде всего обозначаются структурные языковые сдвиги, ищущие выхода на поверхность в обход грамматической нормы» [14].

Наше обращение к данным НКРЯ позволило зафиксировать лишь несколько десятков случаев создающего переходность отсечения постфикса возвратного глагола, что свидетельствует об относительно слабом отражении в НКРЯ устной сферы коммуникации, что, безусловно, понятно, поскольку корпусная лингвистика ориентирована прежде всего на отражение письменной речи. В интернете же при помощи широко известной поисковой системы GOOGLE нам удалось найти сотни примеров «переходностного» отсечения постфикса возвратного глагола, что еще раз доказывает максимальную близость интернет-коммуникации к сфере устного общения. Перейдем к рассмотрению узуальных закономерностей транзитивации русских глаголов, происходящей путем отсечения постфикса.

Прежде всего необходимо заметить, что не всегда отсечение постфикса создает переходный глагол – такое отсечение может создавать глагол беспостфиксный, но семантически соотносимый с однокоренным постфиксным, то есть возвратным, глаголом, как это происходит в паре *стучать* – *стучаться*. Таковы примеры с глаголом *смеяться*, в которых он семантически эквивалентен глаголу *смеяться* (в первых двух примерах такая эквивалентность может быть признана имплицитной, но в третьем примере она эксплицируется маркером – синонимом *ржали*):

Приколы с Котами – Смешные коты и кошки 2017 _ ТЕСТ НА ПСИХИКУ, ПРОБУЙ НЕ СМЕЯТЬ [<http://s-vidlo-b.ru/v/484728>].

?смеять или грустить? [<https://sprashivalka.com/q/773573706>].

Nastasya3, мы тоже, сначала неуверенно... уместно ли смеять на ужаснике, но с последующими шутками мы уже ржали в голос... [<http://irecommend.ru/content/bolnaya-fantazyastivenakinga-voplashchennaya-v-realnostnam-obeshchali-reiting-r-21no-v-kin>].

Такое же употребление наблюдается в случае намеренной – игровой – контаминации:

"Я читал, смеял и хохотался": 10 книг, поднимающих настроение [<https://lady.tut.by/news/inspiration/310920.html>].

Языковая игра, подробно представленная прежде всего в монографиях В. З. Санникова и Б. Ю. Нормана [13; 8], встречается во многих примерах транзитивации русских глаголов путем отсечения постфикса. Языковая игра есть намеренное, экспериментальное, создающее комический эффект, доставляющее удовольствие адресанту и, как полагает адресант, адресату, демонстрирующее мягкость системы языка, но осуществляемое по неким правилам отклонение от нормы [13, с. 13, 26, 32–36; 8, с. 5–6, 7–10]. Б. Ю. Норман считает, что любой случай новой транзитивации является по своей сути игровым, а игру в переходность ученый считает разновидностью игры с управлением [8, с. 162–165]. Очевидно, корректно говорить о разной степени эксплицитности игрового начала в таких случаях. Это начало достаточно имплицитно в примерах:

Он меня смешил, а я ему: «Не смей меня!» [<http://lingvoforum.net/index.php?topic=21900.0> (2010)].

Я хочу Долбить всех и смеять всех. [<https://ok.ru/video/11473061178> (2016)].

Тут упырей рокфеллеров нет. Я с трёшкой приеду. Кто меня будет смеять? Ага... [<http://club.velhod.ru/forums/techniks/boats-engines.html?thread=18344>].

Не смей меня смеять [<http://risovach.ru/kartinka/2055414>].

Но стон где-то совсем рядом встрепенул Саику [Вячеслав Кондратьев. Сашка (1979)].

Настолько сильно вострепенул мои чувства этот добрый и светлый мультик [коллективный. Форум: Обсуждение мультипликационного фильма «Король Лев» (2011)].

На определенном этапе своей жизни я очень тепло общал и часто снимал Алексея Серебрякова, Сергея Шакурова, Любу Толкалину [Дарья Вахрушева. «Труд» попросил кинорежиссеров рассказать всю правду об их профессии // Труд-7, 2010.06.25].

Перед столичными властями стоит более серьезная задача раскошелить местных застройщиков на инфраструктуру [Николай Михалев. Девелоперам придется доплатить за право строить на присоединенных территориях // РБК Дейли, 2012.08.27].

Мог ли Витек взять себе в голову, что был третьим человеком на земле, способным прослезить Нору на ровном месте и сразу. [Галина Щербакова. Актриса и милиционер (1999)].

Лодер занимал должность городского физиолога, упражнял своих слушателей в диспутах на латинском языке и преподавал повивальным бабкам правила акушерского искусства [Игорь Харичев. Гонять лодыря // «Знание-сила», 2012].

Игровое начало вполне эксплицитно в примерах:

Они стоят на страже юмора. Они защищают страну от пошлости. Только они празднуют День защитника конечностей! Их любимый клич "Рота, поржем", и "Стой, смеять буду!" Они – Уральские Пельмени. В новой военноотвязной программе «Медкомиссия невыполнима» [https://ctc.ru/projects/show/shou-_uralskikh-pelmeney_/video/378682/ (2017)]. Здесь обыгрывается созвучие с известными армейскими фразами «Рота, подъем!» и «Стой, стрелять буду!».

Их позиция нас просто «улыбает», это глупость [Сергей Хайрук. Приставы отпустят должников на отдых // РБК Дейли, 2013.02.21]. Кавычки, в которые заключен глагол *улыбает*, указывают на то, что автор осознает ненормативность такого употребления, но сознательно обыгрывает такое нарушение, желая вызвать у читателей по меньшей мере улыбку.

Нельзя не отметить, что к «переходностному» усечению постфикса прибегают при изображении ломаной русской речи носителей других языков:

– О! О! О! – вскричал он трижды, указывая на зверя. – О господин, позволь мне с ним поздороваться: мой тебя будет хорошо смеять! [Даниэль Дефо. Робинзон Крузо. Дальнейшие приключения Робинзона Крузо (2010)].

Ну, ладно, будет вотяка смеять. Вотяк и так плохой, а ты ещё смеишь. Сколько просишь за лошадка? [https://fennougrica.kansalliskirjasto.fi/bitstream/handle/10024/67259/RU_NLR_ONL_9420_udm%20%20page%201.pdf?sequence=1].

Особым видом игры в такую переходность является поэзия, где автор играет с переходностью, образностью, экспрессией, учитывая ритм и рифмы стиха:

Быть поэтом — это значит то же,

Если правды жизни не нарушить,

Рубцевать себя по нежной коже,

Кровью чувств ласкать чужие души.

[С. А. Есенин. «Быть поэтом – это значит то же...». «Персидские мотивы» (1925)].

Если бы сердце ринуть

острым челном на волну,

душу, как парус, раскинуть,

яростью юной хлынуть

и утопить войну.

[С. В. Петров. Рыбачья песня (1950)].

Массовость игры в переходность не означает, что такая игра не может перейти в тенденцию: это понятия, коррелирующие друг с другом. Именно к такому выводу приходит и Б. Ю. Норман: «В целом же оказывается, что через языковую игру, через нарушение правил пробивает себе дорогу, постепенно «легализуясь», мощная внутриязыковая тенденция. Фактически мы имеем здесь дело с изменением содержания категории глагольной переходности, а может быть, и шире – с кардинальной перестройкой норм синтаксической сочетаемости в русском языке» [8, с. 165]. «Устойчивой аналогической тенденцией» называет такую транзитивацию Т. Б. Радбиль [11, с. 341] (подробнее о корреляции понятий языковой игры и языковой тенденции – см. [7]).

Поэтому в целом не удивительно, что в ряде случаев исследуемая здесь транзитивация употребляется уже не как игра, а как обычное грамматическое явление, применяемое в ходе описания кого- или чего-либо. В таком употреблении отсутствуют такие важные признаки игры, как создание комического эффекта, а также доставление удовольствия адресанту и, как полагает адресант, адресату. Такая транзитивность и является доказательством того, что переход языковой игры в переходность в новую языковую тенденцию транзитивации – эмпирически очевидная реальность:

*Зы: про жлобство вообще не понял... как можно сметь **смеять**[.] обвинять в жлобстве **человека**, который добровольно[,] за "спасибо" написал программу и выложил конечный продукт...* [<http://vrtp.ru/index.php?showtopic=25200&st=90>].

*И только год спустя я узнал, что этот представитель Центра и непогоды был Витька Громобоев, но **нас разминуло*** [Михаил Анчаров. Как Птица Гаруда (1989)].

*На целых три года она **побратала** и подружила **меня** с моим городом* [Леонид Зорин. Восходитель (2005-2006) // «Знамя», 2006].

*Отец сказал, что заменит доску, вобьет новые звезды и все проклеит, а мачеха ответила, что ему не стоит лишний раз **трудить спину*** [Ольга Онойко. Некромантисса (2014)].

Очевидно, что в подавляющем большинстве приведенных примеров объектом действия глагола являются одушевленные существительные. Это вполне объяснимо их большой частотностью и заметностью при восприятии.

Наконец, если говорить о причине новой для русской грамматики транзитивации глаголов, то ее объяснение возможно с применением соотносимых друг с другом подходов: когнитивно-эволюционного и POSSIBILITIC. Когнитивно-эволюционный подход (разработанный эволюционной эпистемологией и в лингвистике впервые примененный С. Л. Поповым при изучении русской грамматической вариантности [9]) предполагает анализ реального или потенциального гносеологического восхождения по степеням восприятия: от синкретичного восприятия к поверхностному восприятию и от последнего к альтернативному восприятию. POSSIBILITIC подход предполагает поиск возможностей в познании чего-то нового (см. [15]). Понятийная корреляция этих подходов очевидна: поиск возможностей есть поиск альтернатив (подробнее о совместимости этих подходов при изучении транзитивности – см. [5]).

Мы солидарны с М. Н. Эпштейном в том, что переходность – мыслительная категория [14]. Тогда, перенося действие прямо на объект и тем самым преобразуя его, что в подавляющем большинстве случаев подтверждается соотносимым с таким глаголом страдательным причастием, субъект берет на себя основывающуюся на самостоятельности мышления ответственность за такое преобразование (о преобразовании объекта глагольного действия как универсальном критерии переходности – см. [6]), в то время как при употреблении возвратного глагола его действие происходит само по себе и потому на внешний объект не распространяется. Из этого следует, что причина новой транзитивации русских глаголов вообще и создаваемых путем отсечения постфикса в частности состоит в том, что применяющие такую транзитивацию носители русского языка видят альтернативную по своей сути, коррелирующую с коммуникативной потребностью возможность иметь наряду с возвратным глаголом глагол переходный и тем самым брать на себя ответственность за преобразование объекта глагольного действия.

Таким образом, транзитивация русских глаголов, осуществляемая путем отсечения постфикса, отличается такими закономерностями, как претендующая на звание тенденции имплицитная или эксплицитная языковая игра, в том числе обыгрывание ломанного русского языка нерусских и применение в поэзии, неигровое употребление рассматриваемой транзитивации как обычное грамматическое явление, одушевленность существительных – объектов глагольного действия, а когнитивно-эволюционная и POSSIBILITIC причина такой транзитивации состоит в том, что применяющие ее носители русского языка видят альтернативную, соотносимую с коммуникативной потребностью возможность использовать наряду с возвратным глаголом глагол переходный и тем самым принимать на себя ответственность за преобразование объекта глагольного действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
3. Гильбурд А. М. О логико-философском и структурно-лингвистическом аспектах глагольной переходности // Ученые записки Свердловского педагогического института и Тобольского педагогического института. 1969. Сб. 142. С. 3–13.
4. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка: Учеб. для студентов филол. спец. фак. ун-тов и пед. ин-тов. [2-е изд., испр. и доп.]. М.: Просвещение, 1983. 399 с.: ил.
5. Некрылова Е. Л. О принципиальной совместимости когнитивно-эволюционного и POSSIBILITY-подходов при изучении тенденций утраты и обретения переходности русскими глаголами // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — Серія «Філологія», вип. 76. Харків, 2017. С. 368–374.
6. Некрылова Е. Л. Преобразование объекта глагольного действия как универсальный критерий переходности // Науковий вісник Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка. Серія: «Філологічні науки» (мовознавство): Збірник наукових праць. № 7. Дрогобич, 2017. С. 124–128.
7. Некрылова Е. Л. Языковая игра и языковая тенденция: понятийная корреляция (на примере современной транзитивации русских непереходных глаголов) // Trajectory of Science: International Electronic Scientific Journal. 2017. Vol. 3. № 10. [Электронный ресурс]. — Р. 4001-4005. Режим доступа: <http://pathofscience.org/index.php/ps/article/view/398/441>.
8. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. Москва: Флинта: Наука, 2006. 344 с.
9. Попов С. Л. Русская грамматическая вариантность в когнитивно-эволюционном освещении: Монография. Харьков: Міськдрук, 2014. 304 с.
10. Приходько В. А. К вопросу о переходности и непереходности русского глагола // Ученые записки Ленинградского ордена Ленина государственного университета имени А. А. Жданова. — Серия филологических наук. 1958. № 235. Вып. 38. С. 178–189.
11. Радбиль Т. Б. Инновационные процессы в лексике и грамматике русского Интернета // Croatica et Slavica Ladertina. Vol. IV. № 4. Zadar, 2008. S. 237–244.
12. Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова: в 2-х т. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 784 с.
13. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с. (Язык. Семиотика. Культура).
14. Эпштейн М. Н. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество // Знамя. 2007. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html>.
15. Эпштейн М. Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. 334 с. (Тела мысли).

(Статья поступила в редакцию 30 октября 2017г.)